

Светлана
АЛЕШИНА

БАЛЬЗАМ

на душу

ОКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Папарацци

Светлана Алешина

Бальзам на душу

«Научная книга»

2003

Алешина С.

Бальзам на душу / С. Алешина — «Научная книга»,
2003 — (Папарацци)

От своего принципа – идти навстречу опасности – Ольга Бойкова, главный редактор газеты «Свидетель», не отступала никогда. Согласившись выполнить просьбу вдовы кладоискателя найти убийц ее мужа, Ольга делает безрассудный шаг. Несчастный заплатил жизнью за свою тайну – карту городка и план места в его окрестностях, где спрятан клад. Получив ценнейшие бумаги от вдовы, Бойкова принимает рискованное решение – спровоцировать их кражу с расчетом на то, что убийцы кладоискателя, получив ориентиры, отправятся за сокровищем. Теперь Ольге и ее коллегам надо добраться до преступников раньше, чем они сумеют отыскать ценности и скрыться с ними...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Светлана Алешина

Бальзам на душу

Глава 1

За окном ворковали голуби. Они топтались по карнизу и время от времени звучно шлепали крыльями о кирпичную стену. Мой кабинет был наполнен солнцем. Полосы золотого света, прямые и неподвижные, казалось, были выкованы из тончайшего металла. Вокруг них завивались змейки голубого табачного дыма. Моя посетительница курила, часто и нервно затягиваясь. Сигарету она держала совсем не по-женски – большим и указательным пальцами, прикрывая ладонью.

Наверное, эта женщина немного стеснялась своей дурной привычки – мне никак не удалось поймать ее взгляд – но, возможно, она просто отворачивалась от яркого света, бывшего ей прямо в лицо.

Посетительница пришла к нам в редакцию рано – мы только-только закончили нашу утреннюю «летучку» и разошлись по своим местам. Тут-то и появилась она – тихо и незаметно возникла на пороге моего кабинета, словно давно там стояла. По-моему, ей даже удалось проскочить мимо бдительного ока секретарши.

– Вы Ольга Юрьевна Бойкова, главный редактор? – хмуря брови, быстро спросила она.

Я подтвердила это, с любопытством оглядев посетительницу. На вид ей было далеко за тридцать. Ничем не примечательное, рано постаревшее лицо, бесцветные тонкие губы – обращал на себя внимание только необычайно серьезный, почти трагический взгляд карих глаз. Не было никаких сомнений – женщине пришлось пережить какое-то несчастье, возможно, потерю близкого человека. На это косвенно указывал и ее наряд – глухое черное платье, далеко не новое, заметно вытертое на локтях, но безукоризненно чистое и отутюженное. Никаких украшений на женщине не было. В руках она держала небольшой пакет.

– А у вас ко мне дело? – мягко спросила я. – Прошу вас, садитесь!

– Да, у меня дело, – сказала она, не двигаясь с места, словно опасаясь, что я могу передумать. – Собственно, просьба... Меня зовут Мария Николаевна. Мария Николаевна Стрельникова.

Мне это имя абсолютно ничего не говорило. Но Мария Николаевна, кажется, на это и рассчитывала, а тщательно представляясь, просто хотела избежать путаницы в будущем – это было ясно по ее извиняющемуся тону.

– Да вы присаживайтесь, – повторила я. – В ногах, как говорится, правды нет.

– Правды нет... – эхом откликнулась Мария Николаевна и решительно шагнула к моему столу. – Да, я сяду. Боюсь, мне придется отнять у вас немного времени. На бегу такого не расскажешь...

Жмурясь от солнечного света, она присела на край кресла и сразу же попросила сигарету. Сверток она положила на колени, хотя он ей заметно мешал.

– Я пришла к вам, – отрывисто заговорила Мария Николаевна, раскуривая предложенную мною сигарету, – я пришла, потому что немного наслышана о вас, Ольга Юрьевна. О вас по городу прямо легенды ходят... – криво улыбнулась она. – Не знаю, как лучше сказать, – вы у нас в Тарасове вроде Шерлока Холмса.

Наверное, она не слишком сильно преувеличивала. Действительно, мы сумели приобрести неплохую репутацию. Вообще-то, как полагается нормальным журналистам, мы прежде всего заняты своим делом – то есть выпускаем газету. Но наш «Свидетель» – издание, которое специализируется на криминальной тематике, а это такая материя, где поневоле прихо-

дится осваивать смежную профессию сыщика. И частенько маленькому коллективу «Свидетеля» случалось на этом поприще составлять конкуренцию правоохранительным органам, и, надо сказать, не безуспешную. В нашем послужном списке значится не одно самостоятельное расследование, имевшее итогом раскрытие серьезных преступлений.

Тут следует сделать оговорку – мы не ввязываемся в те дела, где отсутствует некая загадка и частному сыщику попросту негде развернуться. Например, каким-нибудь банальным угоном «Мерседеса» мы заниматься не станем. И убийством на почве совместного распития спиртных напитков нас не заинтересуешь. В деле обязательно должна присутствовать какая-то изюминка, тайна. Или другой вариант – когда к нам за помощью обращается человек, отчаявшийся получить ее, например, в милиции. Такие моменты являются особенно щекотливыми – зачастую наши усилия портят ведомственную статистику, и поэтому люди в погонах нас не очень-то жалуют.

– У вас что-то случилось, Мария Николаевна? – сочувственно спросила я. – Вам нужна помощь? Рассказывайте, не стесняйтесь.

– У меня случилось... У меня умер муж. А помощь... Я не знаю... Чем же теперь можно помочь? Не знаю. Наверное, я хочу просто отомстить. Только не умею. Этому ведь нигде не учат, – вновь невесело улыбнулась она. – Вот я и подумала, может быть, посоветоваться с вами?..

– Простите, не поняла, – сказала я. – Отомстить? Кому и за что?

– Да! Я не совсем верно выразилась, – спохватилась Мария Николаевна. – Мужа убили. Вот в чем дело.

– Ах вот как! – насторожилась я. – Это действительно все меняет. Только, простите, мы мстью не занимаемся. Может быть, это прозвучит высокопарно, но мы надеемся, что наша деятельность способствует торжеству справедливости и законности. Если вы читали нашу газету, вы не могли не заметить ее направленности...

– Нет, газету я не читала, – откровенно призналась Мария Николаевна. – Мне знакомые порекомендовали обратиться лично к вам. Именно из-за справедливости. Вы меня не так поняли. Или я не так выразилась. Я ужасно волнуюсь. И вообще говорить не мастер... – Она махнула рукой. – Но, как вы думаете, преступников надо наказывать?

– Это риторический вопрос, – ответила я. – Вы прекрасно знаете на него ответ.

– Я знаю. Но не уверена, что убийц моего мужа накажут. А мне бы очень этого хотелось. Больше ведь я ничего для него не могу сделать... Поезд ушел. Вот это я и имела в виду, когда говорила о мести.

– А почему вы уверены, что убийц не накажут? – осторожно спросила я.

– Потому что их не будут искать. Или найдут каких-нибудь козлов отпущения. Слава богу, что у нас сейчас нет смертной казни.

– Дело так серьезно? Ваш муж ввязался в какое-то опасное предприятие? Перешел кому-то дорогу?

– Это уж несомненно. Перешел. Только кому? Видите ли, он занимался таким специфическим делом... Но, может быть, я расскажу все по порядку? Если вы, конечно, согласны выслушать... – Ее темно-карие глаза смотрели на меня почти с отчаяньем.

– Ну конечно же! – воскликнула я. – Может быть, вы меня неправильно поняли – мне просто не хотелось, чтобы от нас ждали невозможного. Но в любом случае вы должны высказаться. Мы попробуем найти какой-нибудь выход.

– Только... – На лице Стрельниковой мелькнул испуг. – Я вряд ли смогу вам много заплатить... В том случае, конечно, если вы согласитесь...

– Ни слова об этом! – перебила ее я. – Мы не этим зарабатываем деньги.

Откровенно говоря, иногда мы зарабатывали и этим, но только в том случае, если клиенты сами предлагали и были в состоянии заплатить. Тут явно не тот случай.

– Ага, хорошо. – Озабоченная складка на лбу Марии Николаевны на мгновение разгладилась. – Знаете, я очень насчет этого переживала. Признаться, я потратила на похороны последние деньги...

– Давайте о деле, – предложила я.

– Извините. Больше не буду... Дело в том, что мой муж Борис Иванович – кладоискатель. То есть был кладоискателем. Теперь надо привыкать говорить – был. Но я только вчера его схоронила и постоянно ловлю себя на мысли, что все время жду – вот-вот он позвонит, вернется домой... Глупо, конечно. Просто привычка – мы прожили вместе двадцать лет. Сейчас это редкость, тем более что у нас с Борей никогда не было детей, увы... Но я, кажется, опять отвлеклась?

– Ничего-ничего, – пробормотала я. – Продолжайте.

– Да, Боря искал клады. Вы, наверное, слышали об этой породе – городские кладоискатели, «черные археологи»... Ну и намучилась я с ним! Грех, конечно, так говорить, но жить с ним было очень тяжело. Нет, он не пил, по-своему меня любил и на других женщин не заглядывался. Но иногда я думала, что лучше бы уж пил, честное слово!

Когда еще работал, получал каждый месяц свои сто двадцать – не бог весть что, но все приносил домой. А уж зато выходные, отпуска, все свободное время – это уже не мое, без меня. Все по своим чердакам, по подвалам, по развалинам всяким. Еще хуже стало, когда начались эти перемены. С работы ушел – да там и платить-то практически перестали, – тогда целиком занялся своими изысканиями. Чего найти хотел – не знаю. Сундук с золотом, что ли? Я считаю, это болезнь. Вроде наркомании.

– То есть деятельность вашего мужа не приносила вообще никаких весомых плодов? – поинтересовалась я.

Мария Николаевна вздохнула.

– Не то чтобы совсем никаких, – сказала она. – Он столько лет этим занимался. Иногда очень ценные вещи приносил, старинные... Бывало, и золото находил – монеты, украшения. Наверное, это неправильно, но государству мы никогда ничего не сдавали. Да что толку-то? Все как в песок. Находил трудно, а расставался легко. Все время что-то ему было нужно – то оборудование какое-то, то информация. За информацию тоже ведь приходилось платить. У них, у кладоискателей, целая гильдия. Там конкуренция страшная! Друг за другом следят, на пятки наступают, вынюхивают, из рук вырывают. Несколько раз били его – да так страшно! Ничего, неделю отлежится и опять за свое... Я уж как его просила бросить все это, а он ни в какую. Говорил – вот увидишь, однажды я найду такой клад, что нам с тобой никогда больше не придется ни о чем заботиться. Как ребенок, ей-богу!

– Как же вы жили? – спросила я.

– Да как? – махнула рукой Мария Николаевна. – Выкручивались. Я уж привыкла. Мне много не надо. На рынке вот торгую. Овощами. Ну, и Боря иногда что-то подкидывал в бюджет – нечасто, но бывало. Только лучше бы он совсем ничего не приносил, а бросил это дело. Но нет, видно, судьба у него такая...

– Расскажите, как он погиб, – попросила я.

– Ну что?.. – печально проговорила Стрельникова. – Дней пять назад... а может, неделю? Тут у меня как-то все в голове перепуталось. Нет, пожалуй, дней пять, не больше, приходит он утром, грязный как черт, но веселый – давно я таким его не видела... Ну все, говорит, Маша, кажется, нашел я нечто! Я только рукой махнула – он сто раз такое говорил, сам уж, наверное, не верил. А мне на рынок – я его не очень-то и слушала, чего он там такое нашел. Теперь, конечно, жалею – что бы мне тогда повнимательнее быть, может, что-нибудь почувствовала

бы, подсказала чего... Но задним умом мы все крепки... А на следующую ночь он опять в тот дом отправился – сказал, что не все еще там обшарил... Хотя главное – уже в руках.

– В дом? В какой дом? – не поняла я.

– Дом освободился в Пряничном переулке, – объяснила Мария Николаевна. – Жильцов отселили, а здание под снос. Это же для кладоискателей первое дело – такой вот дом. Боря говорил, его до революции еще построили. Правда, он вроде того выразился, что, мол, его находка более позднего времени. Хотел еще чего-нибудь поискать – подревнее. Вот и поискал...

– А что же все-таки случилось?

– Утром не пришел он домой, – бесцветным голосом сказала Мария Николаевна. – Я не очень беспокоилась – такое бывало. Ушла на рынок. Там меня и разыскали. Повезли в морг – на опознание. Я все уже поняла. По дороге даже прикидывала, во сколько мне похороны обойдутся – как будто о постороннем думала... Ему голову проломили кирпичом – сзади ударили. Врач сказал, что с одного удара убили, не мучился... Только одним ударом там не обошлось – я же видела. Он весь избит был, кругом синяки. Патологоанатом утверждает, что эти травмы не представляли опасности для жизни. Не знаю, но били его перед смертью ужасно. Не представляю, как он все это вытерпел.

– И что же говорит милиция? – поинтересовалась я.

Мария Николаевна покачала головой:

– А что она скажет? Они уверены, что это сделал кто-то из бомжей, которые по развалинам отираются. Мне даже намекнули, что мой Борис Иваныч, мол, тоже из их числа. Ну, правильно, чего они могли подумать? Ночью в заброшенном доме, одежка плохонькая... Они, по-моему, и меня за бомжиху приняли, – с горечью добавила она. – А мы ведь хоть и бедновато живем, но прилично. У нас квартира хорошая. И Боря мужчина вполне видный, особенно когда свой парадный костюм наденет... – Она натужно улыбнулась и замолчала, видимо вспомнив, что муж уже никогда не наденет свой выходной костюм.

Я очень опасалась, что Мария Николаевна не выдержит и сорвется на истерику. Но она умела держать себя в руках. Отвернувшись, смахнула ладонью выступившие слезы и продолжала:

– Конечно, дело они завели... Но, знаете, сейчас депутатов убивают, никто никого не ищет, а что уж про нас говорить... Я думаю, на том все и кончится. Или поймают какого-нибудь бедолагу, заставят сознаться в несуществующих грехах и галочку в отчете поставят.

– А вы, значит, уверены, что бомжи тут ни при чем? – спросила я. – У вас есть какие-то конкретные подозрения?

Пальцы Марии Николаевны нервно теребили край пакета, лежащего у нее на коленях. Она ответила, не задумываясь:

– Я думаю, это никакие не бомжи. Глупость какая! Конечно, нет... В милиции говорили: мотивы преступления – корыстные. Но ведь у Бори ничего не было. Он на «работу» ничего с собой не брал. Инструменты только и паспорт. Это чтобы, если какие недоразумения возникнут, сразу можно было установить личность. Так вот, ни инструменты, ни паспорт – ничего не пропало. Так в чем же корысть? И, спрашивается, зачем нужно было так бить?

– Вы знаете, Мария Николаевна, – осторожно сказала я, – к сожалению, сейчас очень много немотивированных преступлений, причем совершенных с особой, ничем не оправданной жестокостью. Ваш муж мог стать жертвой банды каких-нибудь наркоманов...

– Мог. Но, по словам самих милиционеров, в ту ночь никто из соседей не видел и не слышал никаких наркоманов. Согласитесь, это странно. Обычно такие банды ведут себя достаточно шумно. Я знаю – у нас по соседству такой притон. А вот в Пряничном переулке всегда было тихо, почему-то шпана туда не любила заглядывать – я сама там побывала и разговаривала с людьми. Наспех, конечно, но я уверена – убийство моего мужа связано с его делами.

– Значит, вы подозреваете конкурентов? Кого именно?

– Мне трудно говорить наверняка, – ответила Стрельникова. – Я почти никого не знаю из этих кладоискателей. К нам домой они не приходили. Слышала только некоторые клички – Батый, Семен, Вампир... Они все зовут друг друга только так. У Бори почему-то была кличка Мешок.

– И все же почему? Не поделили объект?

– Мне трудно судить, – наморщила лоб Мария Николаевна. – Хотя, я думаю, все дело в этой находке. Они хотели, чтобы Борис ее отдал, и пытали его. А потом убили.

Я на минуту задумалась.

– Знаете, мне это представляется маловероятным, – заметила я наконец. – Откуда конкуренты могли узнать о ней? Ведь он рассказал только вам.

– Может быть, кто-то из них был с ним вместе и видел? – не слишком уверенно произнесла Мария Николаевна.

– Но тогда получается вообще странно, – возразила я. – Вместо того, чтобы сразу попытаться завладеть находкой, преступник ждет, пока ее спрячут, а потом начинает выпытывать, где она находится.

– Я не знаю, в чем тут дело, – печально ответила Мария Николаевна. – Но чувствую, что всему этому есть объяснение. Вот я и думала, может быть, вы что-нибудь подскажете?

– Насколько я поняла, эту злосчастную находку вы не передали следователю? – сказала я. Мария Николаевна упрямо покачала головой.

– Не передала, – заявила она твердо. – Борис сказал, что это наше главное сокровище и его надо беречь как зеницу ока. Не знаю, может, так оно и было. Но теперь я даже не хочу смотреть на эти бумаги.

– Бумаги? – переспросила я. – Это бумаги?

– Да, какие-то старые бумаги. По-моему, даже не по-русски написанные. Не думаю, что, увидев их, следователь станет более рьяно искать преступников. Я же говорю, у них уже есть железная версия, и они от нее вряд ли отступят. Зачем им какая-то макулатура?

– Вряд ли это макулатура, – усомнилась я. – Ведь ваш муж придерживался иного мнения.

– Для меня это макулатура, – сказала Стрельникова. – И для милиции это тоже макулатура. Поэтому я пришла к вам. Вам не нужно отчитываться за раскрываемость, и вы образованная женщина. Вы должны в этом разобраться.

– Попробую, – сказала я. – Но хотелось бы взглянуть на эти бумаги...

– Они здесь, – сказала Мария Николаевна, кладя на стол пакет. – Можете делать с ними, что хотите. Только постарайтесь найти тех зверей, что убили Бориса, ладно?

– Я постараюсь, – не слишком бодро ответила я. – А где вас можно найти?

– Мой адрес – Волгоградская улица, дом 78, квартира 14, – сказала Мария Николаевна. – После шести вечера я всегда дома. Собственно, сегодня я не пошла торговать и буду дома весь день. Мне, сами понимаете, ходить особенно некуда – ни подруг, ни друзей... Да и отвыкла я, по правде сказать. Я привыкла ждать – как жена моряка... – Она опять улыбнулась своей болезненной полуулыбкой и встала.

– Если что – звоните мне домой или на работу! – предупредила я. – Вдруг что-нибудь узнаете или вспомните. Вот номера моих телефонов.

Мария Николаевна с некоторым сомнением взяла листок с цифрами и смущенно сказала:

– Телефона, в общем-то, у нас нет. А на улице пока исправный найдешь... Ну, если что, позвоню, конечно. А вообще я могу и сама к вам зайти – мне нетрудно.

– Смотрите сами, как вам удобнее, – сказала я. – Ну а если мы что-нибудь нароем, вам сообщим в первую очередь. Пока ничего конкретного сказать не могу. Мы это дело обсудим в коллективе и вместе решим, что делать.

– Решайте, – тихо проговорила Мария Николаевна. – Я только на вас надеюсь. Мне очень тяжело будет жить, если убийц не найдут. Это несправедливо и неправильно.

– Да, это будет скверно, – согласилась я. – Но мы попробуем исправить хотя бы несправедливость.

Мария Николаевна ушла – так же незаметно, как и появилась. После ее ухода в кабинет сразу же влетела Маринка, моя секретарша и близкая подруга – существо молодое, симпатичное и чрезвычайно влюбчивое.

– Кто это у тебя тут был? – с ходу спросила она.

– У тебя хотела спросить, – невозмутимо заметила я. – Полчаса уже жду твоего доклада.

– Ну это несправедливо! – возмущенно сказала Маринка. – Я на минуту отвлеклась, а ты уже придираешься!

– И что же тебя отвлекло от прямых служебных обязанностей? – поинтересовалась я.

Маринка оскорбленно поджала губы.

– Ничего себе! – воскликнула она. – Я готовила кофе!

Глава 2

Надо признать, причину Марина назвала весьма уважительную. Дело в том, что именно приготовление кофе было ее исключительным и безусловным талантом. Лучшего кофе я не пробовала больше нигде и никогда. Были у Маринки и другие положительные качества – она имела высшее образование, знала несколько языков, была неглупа, красива, но, на мой взгляд, это было лишь приятным дополнением к ее основному таланту.

– Итак, кофе? – сказала я. – Ну что ж, в таком случае неси его сюда и проси всех ко мне в кабинет!

Это было нашей традицией – обсуждать сложное дело за чашечкой кофе. Маринка понимающе кивнула и исчезла за дверью.

Через минуту она появилась снова – уже с подносом. За ней следом шли другие сотрудники. Другие – это трое мужчин: мой помощник Сергей Иванович Кряжимский, фотограф Виктор и курьер Ромка – я уже упоминала, что коллектив у нас небольшой.

Рассевшись по своим местам, все получили по чашке кофе, и я вкратце обрисовала проблему. По сути дела, я в более сжатом виде назвала те факты, о которых сообщила мне Мария Николаевна.

– По моему глубокому убеждению, – заключила я, – дело заслуживает внимания. Мне хотелось бы услышать, что думает каждый по этому поводу.

Первой высказалась Маринка, упирая в основном на моральную сторону дела.

– Это ужас какой-то! – заявила она, закатывая глаза. – Погибнуть из-за какого-то мусора! Несчастная женщина. Наградил бог таким мужем! Конечно, в ее возрасте уже трудно на что-то рассчитывать, но лично я предпочла бы жить одна, чем маяться с типом, который каждую ночь шляется по развалинам...

– Дорогая Мариночка! – вмешался Кряжимский. – Боюсь, что предложенный тобою аспект несколько далек от основной темы нашего обсуждения. Насколько я понимаю, госпожа Стрельникова не просила нас устраивать ее личную жизнь...

Сергей Иванович отличался той велеречивостью и деликатностью оборотов, которые практически отошли в прошлое. Однако это вовсе не свидетельствовало о его мягкотелости, как порой казалось окружающим, а уж по глубине профессионального опыта с нашим Сергеем Ивановичем вообще мало кто мог сравниться. В коллективе он пользовался непререкаемым авторитетом, поэтому Маринка не стала дальше развивать свою мысль, хотя, судя по всему, это стоило ей некоторых усилий.

– Точно! – поддержал Кряжимского наш юный курьер. – Тут речь идет об убийстве, а ты несешь незнамо что! При чем здесь личная жизнь? И уж конечно, этот кладоискатель погиб не из-за мусора! Ольга Юрьевна, вы уже смотрели бумаги, которые он нашел?

Несмотря на свою скромную должность, наш Ромка принимает в расследовании самое активное участие – порой даже слишком активное, и его приходится сдерживать. Вот уж кому лавры Шерлока Холмса не дают покоя, так это Ромке. Впрочем, голова у него работает совсем неплохо, и я готова согласиться, что Ромку ждет большое будущее.

– Нет, бумаги я пока не смотрела, – ответила я. – Мне кажется, будет разумно, если мы посмотрим их все вместе. Но сначала мне хотелось бы подробнее обсудить возможные мотивы убийства. Может быть, убийцу действительно нужно искать среди спившихся подонков? Что вы об этом думаете?

– Как пить дать! – уверенно заявила Маринка. – Сейчас ведь по улицам пройти страшно. Недавно у подружки одной моей знакомой на набережной цепочку сняли. Можно сказать, среди бела дня. А тут в заброшенном доме, ночью! Как хотите, а в данном случае милиция абсолютно права.

– Да? А что же тогда у погибшего ничего не взяли? – запальчиво возразил Ромка. – Ни паспорта, ни инструментов. Бомжи бы наверняка на них польстились – продали бы за бутылку.

– А почему ты думаешь, что ничего не взяли? – высокомерно спросила Маринка. – Ты там был? Может, как раз взяли? Только то, что взяли, уже, естественно, – тютю... Ищи теперь!

Ромка озадаченно раскрыл рот, но так ничего и не возразил – кажется, экспромт Маринки показался ему убедительным. Мне и самой такое развитие событий показалось вполне правдоподобным.

Маринка обвела нас торжествующим взглядом, но тут подал голос Виктор, выразившись, по своему обыкновению, предельно кратко и оттого несколько загадочно.

– Было тихо, – сказал он.

Наш фотограф имеет за плечами немалый жизненный и военный опыт – во время афганской войны он служил в роте армейской разведки. Наверное, ему пришлось многое повидать, но вряд ли мы когда-нибудь узнаем подробности – Виктор предпочитает большей частью помалкивать, а если что-то все-таки говорит, то его слова больше напоминают зашифрованное сообщение. Правда, пообщавшись с ним, я научилась расшифровывать его сообщения на лету.

Вот и теперь я поняла, что он имеет в виду, – действительно, Мария Николаевна это подчеркивала – в ту трагическую ночь в Пряничном переулке было тихо. Теперь трудно было судить, насколько это утверждение соответствовало действительности, но совсем от него отмахиваться, конечно, не стоило.

– Так можно гадать до бесконечности, Ольга Юрьевна! – сказал Кряжковский. – И мы так ничего и не решим. Видимо, все-таки следует начать именно с бумаг, с которыми погибший связывал большие надежды. Мне представляется, что они должны многое прояснить. Лично я вижу только две версии. Одна, которую предлагает милиция, а вторая... – Он озабоченно оглядел нас. – Это только предположение, конечно, но давайте представим, что Стрельников нашел что-то действительно ценное. По словам его жены, в городе есть еще немало людей, которые занимаются тем же промыслом. Проще всего было бы заподозрить кого-то из них. Но, как правильно сказала Ольга Юрьевна, зачем им это нелепое убийство? Если они были уверены, что находка уже дома у Стрельниковых, не лучше ли было попытаться похитить ее оттуда? То есть вы понимаете, что, говоря «лучше», я вовсе не имею в виду моральную оценку их деяния. Просто так было бы практичнее, безопаснее и разумнее, наконец!

– Тогда получается... кто-то третий? – сказала я.

– Вполне возможно, – кивнул Кряжковский. – Это могло быть роковое совпадение. Некто тоже искал эти бумаги. Искал целенаправленно, точно зная, где они и какую ценность представляют. Но он опоздал на один день. Стрельников его опередил. Возможно, на этом все и закончилось бы, но Стрельников захотел еще раз вернуться в тот дом. Это его и погубило – тот, кто искал бумаги, конечно же, не мог так просто смириться с фактом их исчезновения. Он тоже пришел туда еще раз. Действия Стрельникова убедили этого неизвестного, что бумаги взял именно он. Ну а дальнейшее уже понятно – Стрельникова, видимо, пытали – выколачивали признание. Полагаю, что он имел дело не с одиночкой – скорее всего, там была группа из двух-трех человек... Но почему-то мне кажется, что Стрельников ничего им не сказал. Ведь Мария Николаевна принесла бумаги сюда. Но на этом я прерываю свои построения. Несмотря на их правдоподобие, это не более чем гипотеза. Давайте посмотрим находку!

– Ну что ж, давайте посмотрим! – согласилась я.

Все придвинулись к столу, а я с некоторым трепетом принялась разворачивать пакет. Не знаю, что я ожидала увидеть, но почему-то по моей спине в этот момент пробежал нервный холодок.

В пакете обнаружилась какая-то коробка, завернутая в новую газету. Сняв газету, я увидела, что это жестяная коробка из-под чая, уже слегка заржавевшая, с облупившейся краской. Однако слово «чай», выписанное затейливой вязью, еще можно было прочесть.

– Знаете, – проговорил смущенно Кряжимский, рассматривая коробку, – у меня ощущение, будто я в детство заглянул. Мама, помню, всегда такой чай покупала. Это ведь год пятьдесят третий – пятьдесят четвертый, не позже. Считай, полвека коробочке!

– Да за это время она бы давно сгнила! – недоверчиво воскликнул Ромка.

– Мы же не знаем, как ее хранили, – возразил Кряжимский. – Вероятно, хозяин позаботился о том, чтобы коробка сохранилась. Хотя время ее не очень-то пощадило, я бы сказал. Но, может быть, откроем крышку, Ольга Юрьевна?

Открыв крышку, я вытряхнула на стол небольшой рулон, закатанный в тонкую резину. Осторожно освободив рулон от резиновой оболочки, я наконец добралась до бумаг.

Их было совсем немного – обрывок старой карты из тех, что называются «офицерскими», еще одна карта, но уже нарисованная от руки, и довольно пространная записка на немецком языке. Обозначения на обеих картах тоже были выполнены по-немецки.

Эти бумаги были еще старше банки, в которой они хранились, и, наверное, давно бы уже истлели и рассыпались в прах, если бы заботливый хозяин в свое время предусмотрительно не запечатал каждый листок в резину.

– Та-а-ак! Кто у нас полиглот? – спросила я, и все взоры немедленно обратились на Маринку.

Она явно была польщена, но не упустила случая поломаться.

– Вы хотите, чтобы я это прочитала? – спросила она. – Не уверена, что у меня получится. Я уже все забыла. Кажется, это немецкий? – Она заглянула в записку, и лицо ее вытянулось. – Ну и почерк! Очуметь можно! И эта куриная лапа еще старалась писать готическим шрифтом! Чтоб у него руки отсохли!

– Боюсь, что у него уже не только руки отсохли, – заметил Ромка. – Судя по состоянию бумаг, тип, который их писал, давно уже тлеет в земле сырой, и ему твои претензии по фигуре!

– Ему, может быть, – парировала Маринка. – Но я действительно не смогу вот так с ходу! Тут надо разбираться с лупой, а, возможно, и со словарями. Может, это на диалекте написано... Хотите, я возьму это сокровище домой?

– Не возражаю, – сказала я. – Но, может быть, ты сейчас хотя бы определишь, что за город изображен на карте, что за местность? Здесь-то шрифт типографский!

Маринка прилежно принялась изучать обрывок армейской карты, на которой в окружении блекло-зеленых пятен, обозначающих лес, аккуратными черными прямоугольниками был изображен крошечный городок – с населением, наверное, не более тысяч двадцати.

– Не-а! – наконец разочарованно протянула Маринка. – Обратите внимание – везде, где должно быть название города, оно затерто. Кто-то сделал это специально. Название должен знать только тот, кто посвящен в суть дела, понимаете? Я даже не могу сказать, что это за страна – масштаб мелковат...

– А параллели с меридианами? – деловито осведомился Ромка, протягивая руку к карте.

– Ты не видишь – это обрывок? – сказала ему Маринка. – Кто-то специально так сделал, чтобы было невозможно определить координаты местности. – Ну, думаю, опытный картограф мог бы это сделать, – заметил Кряжимский.

– Только вот где его искать, опытного картографа? – спросила я. – И как заставить его возиться с нашим обрывком? Для этого должны быть какие-то веские основания. Наверняка ему пришлось бы перерыть все архивы. И потом, не стоит горячиться. Возможно, нужные подробности будут в записке. Завтра Марина сообщит нам, что там такое.

– Значит, можно забрать этот хлам домой? – спросила Маринка.

– Забирай, – согласилась я. – Только отнесись к этому не как к хламу. А то с тебя станется – постелишь вместо скатерти...

– Эту гадость?! – поморщилась Маринка. – Да после нее мне руки с хлоркой придется мыть! Мало ли где эта макулатура валялась!

– Нигде она не валялась, – заметила я. – Ты сама видела. Можно сказать, все было почти стерильно. В общем, не капризничай. Отнесись к заданию ответственно – представь себе, что сдаешь экзамен. Я очень на тебя рассчитываю.

Документы были торжественно уложены в новую папку и вручены Марине. Пустую банку из-под чая я на всякий случай поместила в свой сейф – все-таки реликвия в некотором роде. После этого мы продолжили обсуждение.

– Итак, мы вернулись на исходные позиции, – заключила я. – Из бумаг мы практически ничего не узнали. Собственно, мы даже не узнали, что они собой представляют. Об их ценности свидетельствуют только слова единственного человека, теперь, увы, покойного. Причем весьма велика вероятность, что слова эти произнесены стгоряча. Будем размышлять дальше или дождемся, пока Маринка переведет текст?

– Бумаги старинные, – уважительно сказал Ромка. – Готический шрифт, карты... Наверняка тут какая-то загадка. Тайны Третьего рейха!

– Молодым людям я советовал бы не горячиться, – мягко заметил Кряжимский. – Хотя, конечно, соблазнительно сделать именно такое предположение. Пожалуй, карта имеет отношение к середине прошлого века. Но вот немецкая она или чья-то еще, об этом говорить преждевременно. Могут быть всякие варианты. Мне представляется очень странным, с какой стати в городе Тарасове, в тайнике старого дома обнаружилась карта времен Второй мировой войны. Однако это так, и давайте представим, что как раз за этой картой охотились убийцы. Что из этого следует?

– А ничего! – легкомысленно воскликнул Ромка. – Вы же сами сказали, что Стрельников ничего им не выдал. Значит, они отправились восвояси – несолоно хлебавши.

– Паспорт! – неожиданно произнес Виктор.

Мы переглянулись. Теперь-то Виктора поняли все. При убитом был паспорт, из которого убийцы могли узнать его адрес. Конечно, это была только лишь гипотеза, но все равно – на всякий случай следовало предупредить Марию Николаевну, чтобы она держалась настороже.

– Пожалуй, съезжу к ней немедленно, – сказала я. – Но вот что мне сейчас пришло в голову. Мы все время рассуждаем о тех, кто искал, но ни слова почему-то не сказали о тех, кто прятал. А ведь это самое важное. Конечно, этого человека, возможно, уже нет на свете, но нужно хотя бы попробовать выяснить, кто это был. Какие-то данные на жильцов, наверное, сохранились в жилищной конторе, в архивах... Сергей Иванович, может быть, вы займетесь этим?

– Разумеется, – кивнул Кряжимский. – С большим удовольствием. Сейчас же и займусь.

– Черт возьми! – вскричал Ромка. – Как всегда, все чем-то занимаются, а я, конечно, в стороне! Между прочим, я тоже мог бы кое-чем заняться. Почему-то никто не сказал, что неплохо бы осмотреть дом, где произошло убийство?

– Ромка, ты просто умница! – заявила я. – Действительно, место происшествия нужно осмотреть. Особенно интересно было бы выяснить, где Стрельников раскопал тайник... Но, боюсь, тут поезд уже ушел. Но ты можешь отправляться! Только без охраны я тебя не пущу – идете вдвоем с Виктором!

Ромка расцвел. Он не переносил опеки, но Виктора боготворил.

– Так! Интересно получается! – возмутилась Маринка. – Все разбегаются, а я должна сидеть тут одна и отвечать на глупые звонки? Нет уж, я прошу, чтобы мне предоставили на сегодня отгул. У меня ответственное задание, и я вполне могла бы рассчитывать на некоторое снисхождение.

– То есть газета «Свидетель» должна на сегодня стать виртуальной? – ядовито поинтересовалась я.

– Ничего с ней не случится, – беззаботно заявила Маринка. – Побудет денек виртуальной. И кроме того, у всех же есть ключи! Запрет редакцию, а кому нужно, придет и откроет.

– Ладно, уговорила! – махнула я рукой. – Только с одним условием – перевод завтра утром должен лежать у меня на столе!

– Нет базара! – залихватски отпартовала выпускница романо-германского и, подхватив папку с таинственными документами, выпорхнула за дверь.

Вслед за ней разошлись и все остальные. Дверь нашего офиса запирала я, потому что уходила последней. Заперла на один оборот ключа – во-первых, долго задерживаться я не собиралась, а во-вторых, в здании, кроме нас, располагалась еще куча контор, имелась охрана – так что за безопасность я не слишком переживала.

Отыскав на стоянке свою потрепанную «Ладу», я поехала на Волгоградскую улицу. По идее, Мария Николаевна должна была давно вернуться домой – с момента ее ухода прошло уже два часа. По словам Марии Николаевны, сегодня она уже никуда не собиралась, поэтому я рассчитывала застать ее дома. Мне было не совсем ловко являться с плохими новостями, но не предупредить ее я не могла. Кто знает, чем все это может обернуться?

Ехать пришлось довольно далеко – Волгоградская улица – это почти окраина. Дорогу скрашивала чудесная весенняя погода. Солнце припекало вовсю, деревья шелестели молодой листвой, весело сверкали металлические детали автомобилей. Как говорится, жить бы да радоваться.

Теперь мне кажется странным, что в тот момент у меня не было никаких предчувствий. Обычно в таких случаях интуиция меня не подводит. Но в этот день я только радовалась солнечному дню и не ждала ничего плохого. По-видимому, в глубине души я все-таки не очень верила в каких-то загадочных убийц, в тайны Третьего рейха и прочие жуткие вещи. Я все-таки склонялась к тому, что Стрельников стал жертвой случайных обстоятельств. Мне казалось, что эта трагедия не должна иметь продолжения. Свою миссию я выполняла как чистую формальность.

Лишь когда я выехала на Волгоградскую и увидела впереди толпу, перекрывшую тротуар, в голове моей прозвучал тревожный звоночек. Это скопление людей не было похоже на обыкновенную очередь: уже издали было видно – там случилось что-то серьезное.

Совсем худо мне стало, когда я поняла – люди собрались как раз возле семьдесят восьмого дома. Все благодушие мигом отлетело от меня прочь. Я быстренько поставила машину у противоположного тротуара и направилась к месту происшествия. В тот же самый миг из-за поворота, завывая сиреной, выскочила «Скорая».

Толпа стояла настолько тесно, что не было никакой возможности пробиться поближе.

– Что случилось? – спросила я у лысого мужчины с хозяйственной сумкой в руках, широкая спина которого безнадежно загораживала мне обзор.

– Женщина выбросилась, – скупно сообщил он, полуобернувшись. – С пятого этажа.

– Совсем молодая! – сказал кто-то впереди. – И чего не хватало?

– Мужа у нее убили, – авторитетно разъяснила какая-то старушка – наверное, соседка. – Вчера только схоронила.

– Вот как, значит... Какая у кого судьба!

Я решительно пробилась вперед и схватила старушку за рукав.

– Когда это произошло? Сколько времени прошло?

Старушка покосилась на меня недовольно, но все-таки ответила:

– Да когда произошло? Вот только что и произошло. Я, было, во двор заходить начала, а тут кричат... Минут десять, может...

Ничего больше не выясняя, я бросилась во двор. Он был пуст – все его обитатели перекочевали на улицу глазеть на покойницу. Я нашла подъезд, в котором проживала Стрельникова,

и бегом поднялась на пятый этаж. Дверь четырнадцатой квартиры была заперта, на звонки никто не отвечал.

Я дождалась приезда милиции и вскрытия квартиры. Разумеется, там никого не оказалось. Если убийца и побывал здесь – а я в этом уже не сомневалась, – то давно смылся. У него была прекрасная возможность сделать это незаметно. Требовалось только хладнокровие. А у этого типа была, кажется, очень холодная кровь.

Глава 3

По привычке я действовала логично, последовательно и рационально, стараясь собрать как можно больше информации о случившемся. Но все это происходило автоматически, как бы без моего участия. На самом деле я пребывала в состоянии шока. Смерть Марии Николаевны поразила меня до глубины души, тем более что я несомненно ощущала долю вины за разыгравшуюся трагедию. Наверное, я ничем не могла бы реально ей помочь, но все равно – ощущение упущенной возможности надрывало мне душу.

Но только когда все окончилось – разъехались оперативники и разошлись зеваки, а я отправилась обратно в редакцию, – только тогда я осознала полной мерой, что Марии Николаевны Стрельниковой больше нет на свете. Смерть всегда поражает, сколько бы ты с ней ни сталкивался – особенно насильственная смерть. А в том, что Мария Николаевна стала жертвой насилия, я теперь почти не сомневалась. С момента нашей встречи прошло совсем немного времени, и я в деталях помнила лицо Марии Николаевны, ее голос, жесты – она не была похожа на самоубийцу.

Но, сделав такой вывод, я неизбежно должна была сделать еще один – зловещий Некто, целенаправленно ищущий бумаги из тайника, действительно существует! И в процессе своих поисков он неизбежно доберется до нашей редакции – сомневаться в этом не приходилось – с его-то настойчивостью!

Мне очень хотелось ошибиться. Я была слишком потрясена смертью Стрельниковой и вполне могла преувеличить, а то и выдумать опасность. Мне было просто необходимо выслушать сейчас чье-то разумное и беспристрастное мнение. Лучше всего, если бы это был Сергей Иванович Кряжковский.

Однако он еще не вернулся. В редакции меня встретил Ромка. Он выглядел расстроенным и одиноким.

– Только не говори мне, что стряслось что-то ужасное! – сварливо предупредила я его. – Мне этого не выдержать.

– Почему ужасное? – кисло возразил Ромка. – Просто нам не повезло. Этот чертов дом уже сломали. Теперь там вывозят мусор – на самосвалах, представляете?

– Это не так уж сложно себе представить, – заметила я. – Мусор, как правило, именно на самосвалах и вывозят. А вот ты можешь себе представить, что Стрельникова только что выбросилась из окна своей квартиры? Или ей помогли в этом. Не знаю, может ли какой-то вариант в данном случае считаться лучшим.

– Да вы что?! – ахнул Ромка. – Это правда? Что же теперь делать?

– Что делать, я и сама не знаю, – призналась я. – Боюсь в это поверить, но, сдастся, за бумагами Стрельникова идет настоящая охота. Проще, конечно, считать все это совпадениями, но слишком жутко эти совпадения выглядят... Надо бы обсудить это с Кряжским и Виктором. Где, кстати, он?

– Он сейчас в фотолаборатории, – рассеянно ответил Ромка и тут же сказал: – Знаете, что я подумал, Ольга Юрьевна? А что, если Стрельникова успела рассказать кому-то, где сейчас эти бумаги? Значит...

– В том-то и дело! – без энтузиазма подхватила я. – Об этом я тоже подумала в первую очередь. Может статься, что в самое ближайшее время к нам наведутся незваные гости. Нужно быть ко всему готовыми, Ромка!

Наш курьер почесал в затылке и смущенно ухмыльнулся.

– Я, как пионер, всегда готов, – пробормотал он. – Только хорошо бы все-таки подумать о каких-то мерах безопасности... Может, раздать всем газовые баллончики, Ольга Юрьевна?

– Чтобы брызгать на каждого, кто войдет в редакцию? – поинтересовалась я. – Это не наш метод. Я имела в виду совсем другое. Нам нужно держаться всем вместе и быть бдительными. И нужно предупредить охрану в здании – а то они привыкли спать и резаться в карты...

– Вы хотите посвятить их в наши дела? – озабоченно спросил Ромка.

– Нет, разумеется, – сказала я. – Просто попрошу поменьше спать.

Я старалась сохранять видимость беззаботности, но, по правде сказать, на душе у меня скребли кошки. И теперь я поневоле с возрастающим напряжением прислушивалась к любым шагам за дверью, к каждому телефонному звонку, к малейшему шороху. Потом пришел Кряжимский – я вывалила на него все наши проблемы, и только тогда мне стало чуть-чуть легче.

Сергей Иванович очень расстроился.

– Но, позвольте, что же это такое?! – растерянно бормотал он, взволнованно расхаживая по комнате. – Неужели все это настолько серьезно? Простите меня, всего-то за неделю два человека погибли страшной смертью из-за каких-то клочков бумаги. Уму непостижимо!

– Просто ваша версия ближе всего к истине, Сергей Иванович, – заметила я. – К сожалению. Однако поделитесь – вам удалось что-нибудь разузнать о жильцах этого злосчастного дома?

Кряжимский с трудом смог сосредоточиться. Но, взяв себя в руки, он начал свой доклад.

– Да, кое-какие сведения я сумел раздобыть, Ольга Юрьевна. Пришлось пустить в ход все свое красноречие и раскошелиться на небольшой презент, но в конечном итоге домовую книгу мне нашли и показали. Квартиры в том доме не приватизировались.

Как выяснилось, там проживали шесть семей. Я все переписал в книжечку... Вот, извольте, – контингент в основном пожилой. Супруги Сухотины – обоим под семьдесят лет – месяц назад выехали к детям в Читу. Косаргин, подполковник в отставке, по слухам, выстроил себе дом за городом. Василевы – мать с дочерью. Дочь, кажется, вышла замуж за какого-то деревенского парня и увезла мать с собой. Доцент экономического института Аратовский скончался два месяца назад – после этого квартира пустовала... Еще одинокий старик – Федченко. Этому под девяносто лет. Родственников не имеет, требует ухода – поэтому в этом году был помещен в дом престарелых. Единственные, кто жил в доме до самого последнего дня, – муж и жена Вырыхановы – этим лет по сорок, и они беспробудно пьют горькую. Вот таков краткий перечень жильцов, Ольга Юрьевна. Есть какие-нибудь замечания?

– Господи, голова кругом! – сказала я. – Шесть семей, Чита, деревня... Неужели придется ехать в Сибирь?

– Понимаю, вы расстроены... Но позвольте обратить ваше внимание, Ольга Юрьевна, вот на какое соображение, – деликатно начал Кряжимский. – Как мне кажется, никуда ехать не придется, потому что совершенно логично предположить – никто из жильцов дома и не подозревал о существовании тайника! Иначе разве бы он остался на месте? Здесь одно из двух – или прежний хозяин тайника давно уже покинул этот мир, или находится в беспомощном состоянии...

– То есть это тот старик, – догадалась я, – которого поместили в дом престарелых. Как его...

– Федченко, – подсказал Кряжимский. – Я полагаю, это или он, или покойный Аратовский. Если бы удалось подробнее познакомиться с деталями их биографий... Конечно, не следует забывать о третьем варианте – вполне возможно, документы припрятал тот, кто жил в этом доме раньше. Но поскольку сей вариант достаточно умозрителен, я предлагаю заняться пока этими двумя. Вот здесь у меня записаны их паспортные данные. Адрес дома престарелых тоже зафиксирован. К сожалению, никаких гарантий, что мы застанем Федченко в добром здравии. Девяносто лет, сами понимаете, не шутка...

Мне и самой так казалось, но, может быть, поэтому я и не стала тянуть с визитом в дом престарелых. Тем более что мне было совершенно необходимо чем-то себя занять. Я попросила

Кряжимского переговорить с охранником, заступающим в вечернюю смену, о необходимости быть сегодня особенно бдительным, а сама поехала в дом престарелых разыскивать гражданина Федченко Григория Сидоровича, 1912 года рождения.

От одной этой даты веяло чем-то неправдоподобно далеким, чем-то почти нафталинным. Было даже трудно себе представить, что я смогу вот так запросто встретиться с человеком, который родился в те времена, когда Россией правил император, а о телевизоре никто еще даже и не мечтал.

Дом престарелых располагался почти на краю города в трехэтажном белом здании, окруженном оградой из металлических прутьев и утопавшем в зелени. Во дворе на чисто выметенных асфальтовых дорожках через равные промежутки стояли деревянные лавочки. Сейчас они были пусты – возможно, в заведении был тихий час.

В гулком прохладном вестибюле пахло дезинфекцией и молочной кашей. Не знаю на кого как, а на меня этот запах нагоняет тоску. Я представила себе чувства людей, обреченных доживать здесь последние дни, и у меня болезненно сжалось сердце. К счастью, в этот момент появилась какая-то женщина в рабочем халате, которая без проволочек объяснила мне, как найти кабинет директора.

Директор оказался на месте. Звали его Семеном Семеновичем. Это был средних лет толстяк с розовой плешью на макушке и с носом, похожим на картофелину. Он казался добряком, но, стоило мне представиться и назвать свое место работы, как директор тут же насторожился, сделался дьявольски подозрительным и неприветливым.

– Не совсем понимаю, – промямлил он, оглядывая меня недоверчивым взглядом, – зачем вы к нам? У нас... э-э... совсем недавно была комиссия из управления. Работа признана удовлетворительной...

– Но это же прекрасно! – улыбнулась я. – Хотя меня, признаться, интересует сейчас не это.

– А что же вас интересует? – несколько не успокоившись, спросил Семен Семенович.

– Я по личному вопросу. У вас здесь есть старичок по фамилии Федченко. Григорий Сидорович Федченко. Мне хотелось бы с ним встретиться.

– Это ваш родственник? – хмуро спросил директор.

– Совсем нет. Даже не знакомый. Просто я готовлю материал для газеты и надеюсь получить у него некоторую информацию, – пояснила я.

Семен Семенович сжал толстые губы.

– Вы уже ничего у него не получите, – объявил он категорически. – Опоздали. Два дня назад мы похоронили Федченко. Упокой господи его душу. – Семен Семенович неумело перекрестился.

– Он умер? – воскликнула я. – Но как это случилось? Что произошло?

Семен Семенович посмотрел на меня с мрачной иронией и сухо проговорил:

– А что, по-вашему, должно было случиться с девяностолетним стариком – как вы думаете? Надеюсь, вы не воображаете, что люди могут жить вечно?

Я решила пропустить колкость мимо ушей. Действительно, почему старик Федченко должен жить вечно? Немного странно, что смерть его припала на те же самые черные дни, но, в конце концов, как раз это-то может быть простым совпадением.

– Значит, он умер своей смертью? – спросила я.

– Разумеется, своей! – уже с раздражением сказал директор. – А какой смертью он должен был умереть, беспомощный, выживший из ума старик? Извините, что я так резко, но так оно и есть на самом деле. У нас здесь не слишком весело, понимаете?

– Я все понимаю, Семен Семенович, – как можно убедительнее постаралась сказать я. – А смерть Федченко – настоящий удар для меня. Я так рассчитывала на эту встречу!..

Семен Семенович с видом крайнего недовольства принялся переставлять на столе какие-то предметы. В глаза мне он больше не смотрел – наверное, так ему было легче разговаривать.

– Ничего не понимаю в журналистике, – буркнул он себе под нос, – но не думаю, чтобы вы говорили это искренне. Федченко был не из тех людей, встречи с кем ждешь с нетерпением. Откровенно говоря, даже наш привычный ко всему персонал относился к этому пациенту с предубеждением. Я не могу осуждать людей за это – выживший из ума, неопрятный, злобный старик... Ну, и прошлое, конечно, накладывало свой отпечаток. В том смысле, что симпатии к нему не добавляло.

– Прошлого? – насторожилась я. – А что такого у Федченко было в прошлом?

Семен Семенович все-таки поднял голову и посмотрел на меня, а я увидела в его глазах неприкрытое сожаление пополам с презрением.

– Ну, тут уж я сдаюсь! – воскликнул он, театрально воздевая руки. – Делайте со мной, что хотите, а вашего образа мыслей я решительно не понимаю. Вы ищете встречи с человеком, о котором ровным счетом ничего не знаете? Вы случайно не героем войны собирались его отобразить? – Взгляд Семена Семеновича наполнился горькой иронией.

– Таких мыслей не было, – призналась я. – Потому что о Федченко я действительно мало что знаю. А он, выходит, не был героем войны?

– Не знаю, может быть, и был, конечно, – убийственным тоном сказал директор. – Только не в тех войсках. Вы не знаете, что Федченко до сорок пятого года служил в карателях? Грубо говоря, являлся эсэсовцем со всеми вытекающими отсюда последствиями...

В первую минуту я растерялась. До сих пор подобная мысль даже не приходила мне в голову. Но она была безусловно важна – я немедленно вспомнила о картах более чем полувекковой давности и почувствовала, что нахожусь совсем рядом с разгадкой.

– Федченко был эсэсовцем? Откуда вам это известно? – взволнованно спросила я.

Семен Семенович снисходительно пожал плечами и ответил:

– Это все-таки наша работа, уважаемая Ольга Юрьевна! Какой-то минимум сведений о своих подопечных мы обязаны иметь. Даже если они нас не очень интересуют.

– А не могли бы вы поделиться ими со мной? – спросила я. – Честное слово, это очень важно!

Директор вторично пожал плечами.

– Строго говоря, я уже поделился, – заявил он. – Больше мне сказать вам нечего. Федченко не докладывал мне свою биографию. Я лишь знаю в общих чертах, что во время войны он служил в эсэсовской дивизии, которую формировали из украинцев, – «Галичина», что ли, – затем до 1947 года скрывался в Тарасове под чужой фамилией, затем был арестован и отсидел в лагерях в общей сложности около двадцати пяти лет. Где он был потом, не знаю, но в 1985 году он опять приехал в Тарасов, полностью реабилитированный, и даже, кажется, поселился в том же доме, где жил прежде. У него здесь оставалась сожительница – она умерла лет десять назад. А он, как видите, жил до сих пор, ничто его не брало – ни лагеря, ни болезни. Видно, такие и на том свете никому не нужны.

– И тем не менее он умер, – подытожила я. – Интересно, что записано в свидетельстве о смерти?

– Что там может быть записано? – проворчал Семен Семенович. – Умер во сне. Остановилось сердце. Вскрытия не проводилось – в девяносто лет любая смерть уже считается естественной, не так ли? Похоронили уже на следующий день. У нас это делается быстро.

– Значит, к этому человеку никто не проявлял интереса? – спросила я.

Семен Семенович недовольно поморщился.

– Во всяком случае, не я, – сказал он. – У меня здесь не один десяток более симпатичных пожилых людей, которые действительно заслуживают интереса и заботы. А этот... По моему, вы первая, кто им заинтересовался. Впрочем, есть у нас тут один чудак – Филимоныч.

Санитаром работает. Страсть любит вести душевспасительные беседы с такими же чудаками, как он сам. Вот он с Федченко наверняка общался. Поговорите с ним. Только сразу предупреждаю – к нашему Филимонычу без «красненькой» и подходить бесполезно – пошлет. Хотя сам руководитель, говорю это без осуждения, потому что есть люди, которых уже ничто не может испортить, они как бы законсервировались в одном состоянии... А вас мне все-таки жалко, хотя и не люблю я журналистов...

На этой оптимистической ноте мы с Семеном Семеновичем расстались, и я отправилась искать санитара Филимоныча, предварительно отлучившись ненадолго в киоск на ближайшем углу, где приобрела пресловутую бутылку «красненькой».

Наверное, в доме престарелых действительно закончился тихий час, потому что к моменту моего возвращения двор наполнился старичками и старушками, которые неспешно прогуливались по асфальтовым дорожкам, сидели на лавочках и поглядывали на меня с любопытством и надеждой. Эти словоохотливые старушки и помогли мне разыскать сумрачного худого человека в черном сатиновом халате, который на заднем дворе сгребал какой-то мусор.

Отнесся он ко мне сначала не менее настороженно, чем директор, но бутылка волшебного напитка сделала свое дело – Филимоныч заметно подобрел, а узнав, что я интересуюсь покойным Федченко, тут же согласился со мной побеседовать.

– Вот такая она, жизнь! – философски заметил он, когда мы уединились в какой-то подсобке, где было единственное крошечное окошко, настолько пыльное, что сквозь него едва пробивался солнечный свет. – Грешник ты или праведник, а все одно – лежать тебе в земле сырой до самого Страшного суда. А там уж господь рассудит, какой тебе, значит, будет конец! Григорий Сидорыч много нагрешил, ох, много! А судить мы его с вами не вправе, вот ведь в чем закавыка! – С важным видом Филимоныч сунул в рот скрюченную сигаретку и закурил, весь окутавшись облаком вонючего дыма.

– Да я ведь и не судить пришла, – напомнила я. – Мне просто интересно, навещал ли кто Григория Сидоровича, пока он здесь жил, и что это были за люди. Я, понимаете ли, готовлю газетную статью...

– Это нам без разницы, – добродушно сказал Филимоныч. – Наше дело – мусор, да если починить чего... Ну, конечно, поговоришь с одиноким человеком. Григорию Сидорычу порассказать-то было о чем – это уж верно! Его дураком у нас считали, а напрасно, – санитар покачал головой. – Дураком он до самого конца не был. Надежды у человека не осталось, это да! Через силу жил.

– И чего же он вам рассказывал? – полюбопытствовала я.

– Много чего, – уклончиво ответил Филимоныч. – Истинное хождение по мукам – такая жизнь у человека была. Много зла другим сделал, но и сам – испил чашу! А вас конкретно что интересует? Вы спрашивайте, не стесняйтесь, потому что его тайны уже никому вреда не сделают...

Я не была в этом уверена, однако предложением задавать конкретные вопросы воспользовалась незамедлительно.

– Если честно, – сказала я, – то меня интересует, не было ли у вас с Федченко разговора о географических картах?

– О картах? – прищурился Филимоныч. – Да почти что и не было. То есть сказал он мне за день до смерти, что прячет какую-то карту, – обещал прояснить все назавтра, – да потом к нему из собеса пришли, а в ночь он и умер. Так я и не узнал про карту. Да мне и без надобности.

– Погодите, – встрепенулась я. – Значит, к Федченко все-таки кто-то приходил? Из собеса, говорите? Вы этих людей видели? Описать можете?

– Можно и описать, – согласно кивнул Филимоныч. – Люди солидные, при галстуках. Виски седые. Видные из себя мужчины. Двое. Под вечер приходили. Малость побеседовали, а ночью Григорий Сидорович и помер.

– Послушайте, а может, они не из собеса были? – спросила я. – Под вечер... Разве из собеса под вечер ходят?

– А это я не знаю, – пожал плечами санитар. – Сказали – из собеса. Наше дело маленькое. Я-то их вообще издали видал – моя смена дневная была, я домой собирался. Утром уж пришел, а Григорий Сидорыч приказал долго жить. Такая вот судьба.

Глава 4

А судьба продолжала преподносить нам сюрпризы. Утром, едва явившись на работу, я сразу попала в руки следователя МВД. Оказалось, что ночью был взломан офис нашей редакции. На мой вопрос, что делал в это время охранник, я получила неутешительный ответ – охранник во время нападения получил тяжелую травму и теперь находится в больнице в бессознательном состоянии. От меня потребовали представить список похищенного.

Как я и подозревала, из офиса вовсе ничего не пропало. Это тоже был перст судьбы – то, что искали, находилось совсем в другом месте – у Маринки дома. Я в этом нисколько не сомневалась.

Следователь, кажется, был вполне удовлетворен тем, что у меня не возникло никаких претензий к неизвестным грабителям. Он выглядел довольно усталым, предельно равнодушным человеком и совсем мне не понравился. Никакого желания делиться с ним сомнениями и предположениями у меня не возникло. Да он их и не ждал. Думаю, если бы я завела с ним речь о географических картах времен Второй мировой войны и неуловимых злодеях с седыми висками, этот молодой человек был бы здорово разочарован.

После того как следствие раздалось со всеми своими процедурами, мы наконец собрались у себя в редакции. Все выглядели несколько подавленными, хотя никакой нашей вины в том, что пострадал человек, не было. Хуже всех выглядела Маринка – она была необычно бледной и тихой. Она прекрасно понимала, что именно искали сегодня ночью в офисе, и это понимание ее нисколько не вдохновляло. Чтобы привести подругу в чувство, я немедленно заставила ее заняться привычным делом – приготовлением кофе, а затем собрала всех на короткое совещание.

– Итак, положение осложняется не по дням, а по часам! – объявила я коллективу. – Вокруг, как выразилась Маринка, «макулатуры» развернулась нешуточная борьба. Причем борьба эта безо всяких правил, и к сему факту следует отнестись с предельной серьезностью. Иначе нам не сносить головы. Вчера я выяснила, что последним законным владельцем этих бумаг действительно являлся гражданин Федченко. Но теперь он мертв – скончался на той же неделе, что и прочие действующие лица этой истории. Причина смерти неизвестна. Директор дома престарелых уверен, что дело в возрасте, и ему трудно не поверить. Только перед самой смертью Федченко навестили двое – солидные мужчины в галстуках, с проседью на висках. Этих мужчин никто в доме престарелых не знает и толком даже не видел. И еще один знаменательный факт – прошлое у гражданина Федченко было более чем богатое. Служил в войсках СС, сидел в лагерях, скитался где-то, но вернулся туда, где ждал его тайник со старыми картами. Секрет этих карт он едва не раскрыл санитару Филимонычу, но того опередили двое незнакомцев. Мне представляется, что как раз эта пара и творит бесчинства. Они торопятся и не стесняются в средствах. Из этого я делаю вывод, что скорее всего это приезжие...

– Приезжие, м-да... – задумчиво пробормотал Кряжковский. – Однако ситуация... Позвольте еще раз сосредоточиться на некоторых деталях. Итак, бывший эсэсовец организует в своей квартире тайник, где хранит некие документы, представляющие, видимо, немалую ценность. Через много лет тайник обнаруживает кладоискатель Стрельников, и почти сразу же сюда подключаются еще какие-то претенденты, которые пытаются любой ценой завладеть содержимым тайника. Все, кто имеет к этому отношение, весьма плохо кончают, а неизвестные убийцы тем временем все ближе к своей цели... Боюсь, если мы не предпримем каких-нибудь серьезных мер, трагедия может настичь любого из нас.

– Так давайте же предпринимать эти самые меры! – жалобно пискнула Маринка. – Или заберите у меня к черту макулатуру! Нужны мне эти трагедии!

Тут только до меня дошло, что мы совсем забыли про Маринку и ее ответственное задание. Пропустив мимо ушей ее жалобы, я потребовала, чтобы Маринка доложила о результатах своей работы. Грохнув о стол папкой с бумагами, наша секретарша объявила:

– Вот сами и читайте! Я в руки не возьму больше эту гадость. Если кому-то нравится рисковать жизнью – пожалуйста! И вообще, не понимаю, почему бы не передать все это соответствующим службам?

– А службы скажут тебе спасибо и вежливо выпроводят, предварительно взяв подписку о неразглашении? – саркастически спросила я. – Нет уж, моя дорогая, нам в руки плывет такая сенсация...

– Да какая сенсация! – презрительно возразила Маринка. – Чушь какая-то. Ты почитай сначала!

Мне не очень верилось, что из-за какой-то чуши солидные мужчины в галстуках станут крошить всех встречаемых и поперечных, но тон Маринки меня все-таки смутил. Так можно говорить только о вещах действительно пустяковых, не заслуживающих абсолютно никакого внимания. С некоторым недоверием извлекла я из новенькой папки компьютерную распечатку с переводом немецкого текста и, попросив тишины, зачитала ее вслух.

Вот что получилось у Маринки, и, судя по всему, именно это и содержалось в старом письме, написанном готическим выцветшим шрифтом:

«Дорогой Отто! Надежды, что ты получишь это письмо, почти никакой, но эта робкая надежда – все, чем я теперь располагаю. Надеюсь, что Всевышний смилостивится над нашей несчастной фамилией и перед ней наконец забрезжит луч света. Зная твой характер, я будто наяву вижу ту язвительную улыбку, которая при этих словах непременно тронет твои губы. Ты всегда отличался безмерным скептицизмом – кто знает, не он ли поможет тебе выжить в этом кошмаре? Сам я еще не во всем разуверился, хотя нынешнее положение мое почти безвыходное. Что творится в Европе, ты, разумеется, знаешь. Здесь же, в проклятых Карпатах, еще хуже. Моя часть разбита. Если учитывать, что на нас возлагалась особая миссия, не предполагавшая ведения активных боевых действий, и наличие в здешних лесах множества банд, выступающих под самыми разными флагами, но совершенно одинаково склонных к мародерству, то в нашем фиаско я не вижу ничего удивительного. У меня осталось не более шести человек, причем не самых надежных. Сам я тяжело ранен, потерял много крови, самостоятельно передвигаться не в состоянии и едва нашел в себе силы нацарапать это письмо.

Но хватит лирики – теперь о главном. Я уже писал тебе, куда и с какой миссией был направлен. Разумеется, это военная тайна, но сейчас это понятие, кажется, сделалось абсолютно условным, а от родного брата у меня никогда и не было тайн, тем более теперь, когда рушится весь привычный мир. Мы отдали Германии все, что у нас было – молодость, здоровье, состояние, – и, кажется, безвозвратно. Той Родины, куда мы сможем вернуться с гордо поднятой головой, уже не будет – на этот счет не стоит обольщаться. Теперь мы должны сами позаботиться о себе, не так ли, Отто?

Во всяком случае, я делаю такую попытку. Ты знаешь, о чем идет речь, знаешь город. Все остальное на этих картах. Если бог не позволит нам свидеться, я умру с надеждой, что мой брат сумеет найти то, что я так хорошо спрятал. Бумаги я передаю своему ординарцу – это украинец с невероятной фамилией Сидорчук. Но малый, кажется, исполнительный и недалекий. Сейчас он по-настоящему озабочен только одним – как бы не попасть в лапы НКВД. Поэтому будет всеми силами стремиться на Запад. Ему придется разыскать тебя, чтобы получить хоть какую-то опору в совершенно незнакомом и враждебном мире. Я же скорее всего осяду где-то по дороге – нужно зализать раны. Даст бог, я еще сумею обнять своего дорогого брата. Твой Генрих.

Р. S. Понимая, что даже при благоприятном ходе событий воспользоваться картой ни мне, ни тебе не придется еще долгие годы, я все же призываю тебя поверить, что синица в руке

куда предпочтительнее парящего в небесах журавля, а постройка храма начинается с камня – невзрачного и ненадежного с виду. Наберемся же терпения!»

Закончив чтение, я обвела взглядом своих коллег. Все казались очень серьезными и даже грустными. Автор письма вряд ли мог считаться хорошим человеком и вряд ли руководствовался в своей жизни высокими побуждениями, но от сознания беспощадного факта, что надеждам его так и не суждено было осуществиться, а горячий призыв к брату, по сути дела, был обращен в пустоту, становилось как-то не по себе. Перед нами были немые свидетели некоей рискованной миссии, исполненной более полувека назад, но сами исполнители, видимо, давно уже истлели в земле. Однако даже сейчас они не давали покоя живым, и это было еще мягко сказано – они будто пытались перетащить к себе, в царство мертвых, как можно больше народу – именно тех, кто прикоснулся к их мрачной проклятой тайне.

– С чувством написано! – наконец прервал молчание Кряжский. – От души. И перевод, кстати, весьма... – Сергей Иванович одобрительно покосился на Маринку. – Как будто живой голос. Но... это все? Неужели, кроме Карпат, никаких ориентиров?

– Сергей Иванович! – возмущенно воскликнула Маринка, покрасневшая, однако, от похвалы. – Неужели бы я не обратила внимания? Это же так понятно – Генрих пишет брату, мол, ты знаешь, где это место... То есть подразумевается – другие знать ничего не должны. Поэтому и ориентиры отсутствуют – для пущей надежности. Но у меня есть предложение – если уж вам так нравятся чужие проблемы, нужно раздобыть подробную карту Карпат и просмотреть все внимательно – может быть, наткнетесь на что-то похожее. В конце концов, сколько там городов – сто, двести?

– Мысль интересная, – вмешался Ромка. – Только ты забываешь, сколько лет прошло. Города разрослись, ландшафт изменился. Конечно, поискать можно. Вот только сколько времени это займет? Господа, которые все время крутятся рядом, ждать не будут. Кроме того, я так и не понял, а что вообще-то мы ищем? В письме об этом не сказано ни слова. Может, там партия солдатских сапог для вермахта? Стоит ли огород городить?

– Не узнаю тебе, Ромка, – заметила я. – На этот раз твоя буйная фантазия, кажется, тебе изменила. Лично мне представляется сомнительным, чтобы тяжело раненный человек связывал свое отдаленное будущее с партией солдатских сапог. Конечно, бюргерская порода, но однако же... Его отряд был направлен с особой миссией – вспоминаете? Думаю, дело гораздо серьезнее. Наверное, немцам было что прятать в конце войны, кроме сапог.

– Нет, конечно, мы имеем дело с чем-то очень важным, – значительно произнес Кряжский. – Меня очень смущают эти двое – я бы даже сказал, пугают! Кто они такие? Хватка у них, несомненно, бандитская. Может быть, Федченко раскрыл свою тайну кому-то в лагере? Какое, кстати, отношение он имел к автору письма? По-видимому, он входил в число тех уцелевших, о которых упоминал Генрих...

– Знаете, что я думаю? – вырвалось у меня. – Федченко был ординарцем у этого Генриха! Его отчество – Сидорович, а Генрих называет его в письме Сидорчуком – очень близко. Не исключено, что во время войны он носил именно такую фамилию. Тогда легко объясняется, откуда письмо оказалось у него.

– Вы хотите сказать, что он не передал его по назначению? – подхватил Ромка.

– Не только не передал, но и вообще раздумал перебираться на Запад, – ответила я. – Он оказался не так прост, как думал Генрих. По-видимому, наш Федченко с самого начала понимал, что происходит, и связывал с тем, что припрятано в Карпатах, свои собственные честолюбивые надежды.

– Выходит, он этого Генриха прикончил? – живо спросил Ромка.

– Совсем не обязательно, – сказал Кряжский. – Зачем? Письмо было в его руках. Командир беспомощен. Он просто оставил его где-то и пустился в бег. Обосновался в Тарасове, затем был арестован, а когда вернулся, сил у него уже ни на что не осталось. Наследников,

друзей у него не было – так и сидел на своей тайне, как собака на сене... Стрельников мог стать его невольным преемником, но, прежде чем он успел в чем-то разобраться...

– Ох, не напоминайте, Сергей Иванович! – вздохнула я. – Все это так ужасно! Однако мы совсем упустили из виду коллег Стрельникова – кладоискателей. Я сама была против этой версии, но ведь, пожалуй, никто, кроме них, не мог быть посвящен в тайну. Трудно сказать, зачем Стрельникову понадобилось с кем-то из них делиться, но он это сделал. А посвященный попросту нанял киллеров... Иначе я просто не знаю, кто может охотиться за этими древними картами...

– Генрих, – неожиданно и невозмутимо произнес Виктор.

Все взоры обратились к нашему молчаливому фотографу. А он только убежденно кивнул, не добавив к своему заключению ни слова.

– У вас тут просто какой-то дом престарелых получается! – фыркнула Маринка. – Девяностолетний Федченко, столетний Генрих... Слишком прыткий он для своего возраста, этот немец, вы не находите?

– А это не он! – взволнованно воскликнул Ромка. – Допустим, это его сын. Или племянник. Потомок упомянутого Отто. Ничего удивительного – Генрих выжил и все-таки встретился с братом. Обстоятельства были против них, и они не смогли выполнить задуманного. И тогда их дети пустились на поиски...

– Старых солдатских сапог, – язвительно закончила Маринка. – У этих бюргеров ничего не пропадает!

Ромка покраснел, но произнес неожиданно спокойно:

– Насчет сапог я сказал для примера. В том смысле, что мы ничего не знаем. Конечно, Ольга Юрьевна права – там что-то серьезное. Видимо, Генриху сначала было не до клада, все следы со временем были потеряны – и его потомкам пришлось долго разыскивать ординарца, похитившего карту. Представляете, каких трудов им стоило напасть на след этого человека?! Теперь-то они, конечно, ни за что не отступят!

Сергей Иванович заворочался на стуле, прокашлялся и сказал с грустью:

– Увы, коллеги! А ведь мы действительно по-прежнему ничего не знаем – не знаем где, не знаем кто и не знаем что! Мы можем только строить предположения, однако, боюсь, это ни на миллиметр не приближает нас к истине. А люди между тем умирают, вот что страшно!

– А страшней всего то, – тут же подхватила Маринка, – что следующими такими людьми окажемся мы, потому что больше некому! С чем нас всех и поздравляю!

– И что же ты предлагаешь? – подозрительно зыркнув на нее, спросил Ромка.

– То же самое, что предложил бы на моем месте любой нормальный человек! – гордо заявила Маринка. – И на что, кстати, намекает Сергей Иванович – нужно отправиться в милицию и все там рассказать! Отдать им эти дурацкие карты, и пусть у них болит голова. А то мы доиграемся, я чувствую! Встретимся в следующий раз в городском морге...

– Типун тебе на язык, – спокойно сказала я. – Сергей Иванович, конечно, прав, да и ты рассуждаешь совершенно здраво, но в милицию мы не пойдем.

– Почему? – с вызовом спросил Ромка, который что-то почувствовал.

– Потому что я сейчас придумала, как следует поступить, чтобы разрешить все наши вопросы! – торжественно объявила я.

– Все разом? – саркастически хмыкнула Маринка.

– Ну, не так чтобы разом, – успокоила ее я. – Но, во всяком случае, у нас будет прекрасный шанс узнать – кто и где. На третий вопрос мы получим ответ позднее, когда окажемся на месте. То есть узнаем, что спрятано в карпатских лесах, когда окажемся там.

– Мы едем в Карпаты? – недоверчиво спросил Ромка.

– Не обольщайся, – предупредила я. – Пока мы еще никуда не едем. Пока у меня только родился план. Он заключается в том, что мы используем инициативу наших противников. Они

уверены, что документы у нас, иначе бы не полезли в редакцию. Наверняка они вынудили Стрельникову сказать, кому она передала карты. Следующий их шаг нетрудно предугадать – не найдя документов в редакции, они примутся за нас поодиночке. В первую очередь, за меня. Тут мы их и поймает.

– Каким образом? – скептически поинтересовалась Маринка.

– Во-первых, мы отксерим все документы, – заявила я. – Чтобы у нас в любом случае были запасные экземпляры. А затем устроим ловушку. Не сомневаюсь, что за нами теперь следят. Если я с преувеличенной осторожностью вынесу из редакции, скажем, чемоданчик, с большой долей вероятности можно предположить, что на меня в самое ближайшее время будет совершено нападение, чтобы этот чемоданчик отнять... Прекрасно! Это нам только и нужно. Получив вожаков, потомки Генриха немедленно устремятся на поиски сокровищ, и нам останется только последовать за ними – незаметно, разумеется. Грубо говоря, нас приведут, куда нужно, и все покажут. Нам только останется решить, как поступить с найденным кладом и нечистоплотными конкурентами.

– Ничего себе планчик! – воскликнула Маринка. – А они, эти конкуренты, конечно, позволят тебе все это проделать! И даже голову не снесут, хотя это и напрашивается в первую очередь...

– Я не говорила, что этот план легко выполним, – возразила я. – Риск, конечно, имеется. Но, если все как следует обдумать...

– И хорошо бы убедиться, что за нами действительно следят, – добавил Кряжимский. – Иначе может получиться, что все планы полетят к черту. Вдруг они следят не за редакцией, а, допустим, за вашей квартирой, Ольга Юрьевна? Мы не знаем точно, сколько их человек. Возможно, они уже вычислили наши адреса... – Жуть! – заключила Маринка. – Я теперь вообще домой не пойду. Буду проводить ночи в ресторанах и казино. Прошу выдать мне подъемные, поскольку это вызвано производственной необходимостью.

– Если они вычислили наши адреса, – возразила я, – то, будьте уверены, мою квартиру они уже перерыли и ушли неудовлетворенными. Нет, они уверены, что документы у меня в руках! Поэтому слушайте внимательно, что мы сделаем! – И я посвятила коллег во все подробности своего замысла, с помощью которого надеялась одним махом решить первую серию вопросов.

Глава 5

Машину я остановила метрах в десяти от табачного киоска. Замысел был не ахти какой, но, в конце концов, я же не резидент, чтобы просчитывать каждый шаг с точностью до миллиметра. Это было бы даже подозрительно. Нормальная деловая женщина, не авантюристка, не кладоискатель какой-нибудь. К документам, попавшим ко мне в руки, отношусь с интересом, но не более того. В какую-то необычайную ценность их ни капельки не верю. Поэтому и чемоданчик оставила на переднем сиденье. Разумеется, я бы не поступила так легкомысленно, не будь со мной в машине семнадцатилетнего курьера, которому я могу полностью доверять. А то, что он тоже вздумал на секунду отлучиться, чтобы купить бутылочку «Спрайта», так ведь всего не предусмотреть.

Одним словом, едва я успела приобрести в киоске пачку своих любимых сигарет «Русский стиль», как наша ловушка сработала. Я только краем глаза видела, как возле моей «Лады» на секунду притормозила серая «Волга» и почти тут же опять сорвалась с места. Из прохожих, кажется, никто ничего даже не понял.

Я неторопливо направилась к машине. Суетиться не было никакого смысла. Серая «Волга» уже скрылась за углом. Однако в погоню за ней тут же пустилась черная «Лада» Виктора, который осуществлял в нашем плане функцию наружного наблюдения. Он должен был проследить, куда направятся похитители, и постараться определить их местонахождение. Определенный риск в этом был, потому что те могли попытаться сразу же уйти из города. Но я все-таки думала, что им захочется сначала убедиться, что они не ошиблись, а для этого им надлежит уединиться и просмотреть похищенные документы.

Когда я села за руль, в машину запрыгнул до предела возбужденный Ромка. Он со священным ужасом посмотрел на переднее сиденье, где только что стоял чемоданчик с документами, и быстро спросил:

– Вы видели, Ольга Юрьевна? Вы их разглядели? Сколько их было?

– Спокойно! – сказала я. – По сценарию, я не должна была обращать на происходящее никакого внимания. Я и не обращала. Не стану же я нарушать собственные инструкции! Кстати, и ты должен был проявить себя лопухом, чтобы у наших конкурентов не возникло никаких подозрений, будто все подстроено. Надеюсь, ты не обратил на себя их внимание?

– Вряд ли, – нетерпеливо сказал Ромка. – Да я на них, честно говоря, и не смотрел. Хотя очень хотелось. Зато я смотрел в другую сторону, и знаете, что я там увидел?

– Ну и что же ты там увидел? – с улыбкой спросила я.

– А за нами тоже кто-то следил, – объявил Ромка.

Я вытаращила на него глаза.

– Что ты такое говоришь? Ты ничего не перепутал? С чего ты это взял?

– Ну вот еще! – обиделся Ромка. – Вы меня как будто первый день знаете, Ольга Юрьевна! У меня глаз наметан. Было сказано – на машине внимания не сосредотачивать. Я и не сосредотачивал. Зато вон за тем сквером еще одна машина стояла – я ее хорошо разглядел. Голубая «Нива» – мужик в ней сидел. Он, по-моему, все видел. По крайней мере, когда все кончилось, он сразу отвалил. Правда, он мог догадаться, что я за ним наблюдаю – ведь до меня не сразу дошло... Наверное, он их подстраховывал, как вы думаете? Виктор-то за «Волгой» двинул, а этого мужика не заметил...

– А ты? А ты номер запомнил? – разволновалась я.

Ромка махнул рукой.

– В том-то и дело, что не запомнил, – виновато сказал он. – То есть далековато было, не рассмотрел я...

– Плохо! – заключила я. – Теперь, если они заодно, Виктора запросто вычислить могут. Надо срочно ему позвонить!

Достав мобильник, я связалась с Виктором. Из его односложных ответов удалось понять, что серая «Волга» все еще находится у него под контролем и в данный момент направляется в Заводской район. Сообщение о голубой «Ниве» он воспринял без особого интереса, мол, похожей машины нигде не видит. Это меня немного успокоило. Я предупредила, чтобы Виктор ставил нас в известность обо всех изменениях ситуации, и отключилась.

Теперь начиналась, пожалуй, самая сложная и наименее надежная часть моего плана. Мы должны были вычислить тех людей, что похитили документы, выяснить, что они намерены предпринять далее, и отправиться за ними следом, когда они вознамерятся покинуть наш город. Разумеется, сами мы не должны себя при этом обнаруживать.

Выполнимость этого условия уже оказалась под большим вопросом. Если сегодня за нами действительно следили, весь план мог с самого начала рухнуть. Вопрос в том, насколько подозрительным показалось наше поведение наблюдателям. Кажется, ничего особенного мы не натворили, однако же в таких делах любая мелочь может иметь решающее значение. Повлиять ни на что мы уже не могли – нам оставалось только ждать.

Вообще же, у нас все было готово к дальней поездке – деньги, зарубежные паспорта. Разумеется, мы не получали никаких виз, но надеялись, что наше путешествие ограничится теми краями, куда виза не требуется.

В мобильную группу должны были войти двое – я и Виктор. В мое отсутствие Кряжмский будет руководить газетой. Должна сказать, что полностью одобрял план только один человек – это я сама. Маринке он категорически не нравился – она была уверена, что из нашей поездки вообще ничего хорошего не выйдет. Ромка, наоборот, был уверен, что поездка получится на редкость увлекательной, а он, как всегда, останется в стороне. Кряжмский занимал промежуточную позицию, а что думает Виктор, понять было, конечно же, невозможно.

Но отступать я не собиралась. У нас с Виктором в машинах уже лежали дорожные сумки с предметами первой необходимости, и мы могли пуститься в дорогу в любую минуту. Мы только ждали, когда нам сообщат маршрут.

Примерно через четверть часа от Виктора поступил звонок. Он сообщил, что преследуемые им люди бросили «Волгу» возле авиационного завода и спешно пересели на автобус, идущий в противоположную сторону – то есть в центр города. Поскольку Виктор за ними не успевал, он решил продолжить наблюдение в автомобиле, хотя это не слишком удобно, можно легко упустить похитителей. На мой вопрос, как эти люди выглядят, Виктор кратко ответил: «Как хасиды». Мне оставалось гадать, что под этим подразумевалось, – возможно, юмор такой?

Прошло еще минут пятнадцать. Пожалуй, можно было сказать, что я начинала потихоньку нервничать. Мне уже самой переставал нравиться собственный план. Теперь я усматривала в нем кучу принципиальных недостатков. По всей видимости, мы просто ни за грош отдали в чужие руки важные документы, а сами остались ни с чем. Почему-то теперь я склонялась к мысли, что нам не удастся перехитрить конкурентов. Единственным утешением могла служить надежда, что наконец-то прекратятся убийства, но, что там говорить, утешение было весьма слабым.

Негромкий звонок телефона встряхнул меня точно электрический разряд. Я поспешно прижала трубку к уху и услышала долгожданный голос Виктора. Он сообщил, что обнаружил убежище похитителей. Мне нужно подъехать к главному почтамту. Виктор ждал меня там.

Перекресток, где стоял почтамт, был, пожалуй, самым оживленным местом в городе. Бесконечным потоком двигались автобусы, троллейбусы, десятки машин. Поток прохожих, толпы ожидающих транспорт на остановках. Множество магазинчиков, разноцветных киосков, суетливые молодые люди возле пункта обмена валют – жизнь была ключом.

Я подъехала к условленному месту – в переулок за почтамтом. Виктор ждал меня – сосредоточенный и серьезный. Он показал, куда скрылись те, за кем он следил. Старый дворик на противоположной стороне улицы. Туда вела узкая кирпичная арка между старыми двухэтажными, еще купеческой постройки домами. Во дворе на веревках сохло белье и маленькие дети возились на куче песка. В дальнем углу стоял еще один старый дом с деревянным крыльцом. Виктор незаметно кивнул в ту сторону.

Мне решительно не понравилось это место. Из окон дома прекрасно просматривался весь двор, а за домом имелся проход в соседний двор. При желании обитатели дома могли улизнуть из него незаметно, и мы никак бы им не помешали. Посовещавшись с Виктором, мы пришли к выводу, что один из нас должен пойти на разведку. Естественно, это был разведчик, я же осталась наблюдать за ситуацией в подворотне. Ромку мы с самого начала с собой не взяли, несмотря на все его протесты, и он остался в машине.

Виктор отсутствовал минут десять. Я не то чтобы беспокоилась – все-таки был день, и Виктор вполне мог постоять за себя, – но на душе у меня скребли кошки. Я нутром чуяла недоброе.

Наконец Виктор появился. Он не спешил и, как всегда, был очень сдержан. Из его лаконичных объяснений я поняла, что ему удалось выяснить очень интересную вещь – он нашел хозяина квартиры, которую снимали двое приезжих. Попутно он узнал, что этих двоих ежедневно навещал третий, по-видимому, местный. Согласно логике и словам хозяина, вся троица должна была сейчас находиться здесь, но по некоторым интонациям и жестам Виктора я поняла, что он в это не очень верит и убежден – птичка улетела.

Как настоящий профессионал, Виктор умел смиряться с поражением. Зато меня вся эта история привела почти в бешенство. Забыв об осторожности, я предложила немедленно проверить подозрительную квартиру. Виктор неожиданно легко согласился, и это, собственно, последний раз говорило о том, как мало он верит в то, что нам удастся кого-то обнаружить.

Пока мы совещались, на деревянное крыльцо вышел неопределенного возраста лохматый мужик. В линялой ковбойке и просторных застиранных джинсах. И еще от него за версту разило спиртным. Виктор сказал, что это и есть хозяин. Я решила сама с ним побеседовать.

Хозяин квартиры был в настроении. Виктору он кивнул как своему, а мне с чувством пожал руку, представился Анатолием и предложил присесть – прямо на ступеньки крыльца. От подобной чести я отказалась и сразу попросила рассказать о постояльцах.

– Баламуты! – кратко ответил Анатолий, презрительно взмахнув рукой. – Хотя плотут аккуратно – ничего не скажу. Сразу за месяц отвалили и так, по мелочам, не отказывают. На опохмел всегда подбросят – грех жаловаться.

– Ну а что за люди? – спросила я.

– Темные люди, – убежденно заявил Анатолий. – Вот не доверяю я им, красавица, что ты хошь! Ни словечка лишнего не скажут, только глазами все зырь-зырь! И в комнату к им упаси бог заходить – насчет этого они строго! А мне чего заходить? Деньги заплочены, и ладно, а чужого я отродясь не брал. Обидно, конечно, – своя вроде помещения, – ну да не навек же они тут. Съедут когда-нибудь, верно?

Видимо, его действительно ничуть не обременяли странные гости – в его мутных глазах читалось абсолютное спокойствие и удовлетворенность жизнью.

– Сейчас они дома? – поинтересовалась я.

– Где ж им быть? – хладнокровно ответил Анатолий. – Недавно примчались как заполошные и заперлись опять. Я для порядка постучал – они мне полтинник сунули, чтоб не мешал, значит, и заседают теперь.

– А чем они вообще занимаются, не знаете? – попыталась я направить его мысли в нужном направлении.

– Так рази скажут! – покачал головой Анатолий. – Только я думаю – артисты! Одеваются чисто и в наружности стать такая... А сегодня, видишь, вообще в бородах пришли! – хихикнул он.

– В бородах? – удивилась я. – Как это понимать?

– Так и понимать, – заявил хозяин. – Бороды у них. Черные. Утром еще без бороды были, а к обеду – на тебе, выросла! – Похоже, его здорово забавлял этот факт.

– Выходит, маскировались они? – уточнила я. – А вам не приходило в голову, что это могут быть преступники? Вы хотя бы документы у них спрашивали? Как зовут, знаете?

Анатолий казался озадаченным.

– Какие ж документы? – растерянно спросил он. – Когда я тебе говорю – враз уплатили за месяц, а живут всего ничего... А зовут... – Он задумался. – Рыжего Артуром зовут, это точно. Не наше имя. А второго Мишкой. Нет, постой, Мишкой того зовут, который их привел! А как же второго тогда, а? – Он с удивлением уставился на меня.

Виктор потянул меня за рукав и незаметно кивнул, давая понять, что мы теряем время.

– Нам очень нужно увидеть ваших постояльцев! – сказала я Анатолию. – Вы уж не считите за труд еще раз к ним постучаться, ладно? В случае чего, все претензии к нам...

Хозяин квартиры некоторое время колебался. Но что-то в конце концов сработало в его мозгу в нашу пользу, и он согласно кивнул.

– Никаких проблем, красавица! – объявил он. – Наша жилплощадь, имеем полное право! Ступай за мной, свидетелем будешь!

Мы прошли за ним в холодный сырой коридор, наполненный запахами готовящейся пищи, стирального порошка и ветхого жилья. Здесь было темновато, и я все время натыкалась на какие-то ящики. Наконец хозяин доставил нас до нужной двери, которая оказалась, разумеется, запертой. Предварительное прослушивание ничего не дало – из-за двери не доносилось ни звука.

Этот факт не произвел на Виктора никакого впечатления – похоже, он с ним уже давно смирился. Зато теперь я расстроилась вконец – действительно, подобная тишина настораживала. Птичка, кажется, и в самом деле улетела.

Анатолий по моей просьбе побарабанил в дверь. Этот грохот ничего не изменил. За дверью по-прежнему царила тишина.

– Вроде не выходили же, – неуверенно пробормотал хозяин. – Не выходили же, точно? А вроде как никого нет... Не в окно же... Солидные люди...

Выяснилось, что у скромного Анатолия все-таки имеется запасной ключ от комнаты, и после недолгих уговоров и обещания оплатить издержки он согласился его применить. Правда, пришлось сходить за ключом в другую комнату и некоторое время потратить на его поиски. В общем, приготовления затянулись, и мое настроение от этого, конечно, не улучшилось.

Все-таки дверь была отперта, и Анатолий решительным жестом сильно пьяного человека распахнул ее. Затем на лице его отразилось что-то вроде удивления, и он издал горлом какой-то нечленораздельный звук, дававший понять, что хозяин квартиры находится в большом затруднении. Он даже споткнулся, шагая через порог.

Войдя следом за ним, мы увидели скромно, если не сказать нищенски, обставленную комнату с единственным окном, выходившим на соседний двор. Оно было распахнуто. В комнате же не оказалось никого.

Зато возле стены, вытянув руки по швам, лицом к потолку лежал мертвец. В груди у него торчал нож.

Глава 6

Теперь я поняла, почему Виктор упомянул про хасидов. На убитом был глухой черный пиджак, такие же брюки, и еще его физиономию украшала черная как смоль борода – явно искусственного происхождения. Ему даже не позволили ее снять перед смертью. Так он и покинул наш свет – ряженым. Когда первый шок прошел, я сумела заметить валяющуюся в пыльном углу вторую фальшивую бороду – отдельно от лица она была похожа просто на подержанную мочалку. В противоположном углу лежал скомканный черный костюм – точь-в-точь такой же, как на мертвеце.

– Ничего себе заявочки! – потрясенно сказал хозяин квартиры, неверным шагом подходя к трупу и глядя на него так недоверчиво, будто никогда в жизни не видел покойников.

Для меня это тоже было сногсшибательным сюрпризом, но почему-то первым вопросом, который я задала Анатолию, был:

– А где же они у вас тут спали? – Наверное, подсознательно мне хотелось в этот момент отвлечься от мыслей о смерти.

– А? Спали, говоришь? А как же – вон, раскладушки стоят. За шкафом. Две штуки, – кажется, Анатолий и сам был рад возможности поговорить на отвлеченные темы. – На раскладушках они у меня спали. Люди солидные, но не гордые, приспособились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.